

Председательствующий С. Д. Сказкин довел до сведения присутствовавших, что имеется уже решение Министерства высшего образования о выпуске книги 100 000-ым тиражом. Закрывая заседание, С. Д. Сказкин подчеркнул, что прошедшее обсуждение явилось результатом лишь только первого ознакомления с книгой и для того, чтобы иметь окончательное суждение о ней, нужно еще подождать результатов экзаменов, но уже из предварительной оценки, данной сейчас, видно, что книга представляет собою ценное учебное пособие.

* * *

Тов. Жданов в своем выступлении на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» выдвинул те условия, которым должен удовлетворять советский учебник¹. Эти требования к советскому учебнику и должны были лечь в основу обсуждения книги Н. А. Машкина.

Прошедшее же обсуждение книги, организованное вскоре после ее выхода в свет, не могло еще вскрыть всех сторон ее содержания.

Недостаточно было обращено внимания на идейное содержание работы, методологическую сторону и научно-теоретическую ценность ее.

Необходимо поэтому продолжить обсуждение книги Н. А. Машкина «История древнего Рима», центром внимания которого должна стать методологическая сторона работы. Этим будет оказана большая помощь автору в его дальнейшей работе по переводу книги.

О. Н. Юлкина

С. А. СЕМЕНОВ-ЗУСЕР, Скифская проблема в отечественной науке, 1692—1947, Харьков, 1947 г., Стр. 192.

Интерес к истории и археологии скифов появился в нашей стране вместе с пробуждением интереса к возникновению древнерусского государства и происхождению славянских племен. Первые попытки протянуть нити, связывающие генетически славян и скифов, относятся ко времени возникновения исторической науки и связаны с именами Татищева, Ломоносова, Шлецера и других ученых, положивших основание изучению истории Киевской Руси.

С тех пор исследования истории того отдаленного периода нашей родины, для которого сохранились свидетельства греческих и латинских писателей, продолжались и умножались непрерывно.

Известия древних авторов пересматривались и толковались на разные лады; древние географические и племенные наименования сопоставлялись с таковыми на современной географической карте, древние курганы и остатки поселений неутомимо раскапывались, открывая целый мир памятников быта, искусства и письменности. Количество исследований, посвященных причерноморским древностям скифской эпохи, почти необозримо. За последнее время все чаще слышатся призывы, исходящие из среды самих же ученых-антиковедов, к подведению итогов, к составлению обобщающих работ, долженствующих объединить и оценить накопленный веками и продолжающий ежегодно-умножаться материал.

В свете этих выдвигаемых нашим временем настоятельных требований систематизации и популяризации исторических знаний появление книги, посвященной истории и библиографии всей науки о скифах, более чем своевременно.

Рецензируемая книга распадается на следующие главы: 1) «Начало изучения скифской проблемы», в которой содержится характеристика точек зрения на проблему происхождения древних славян и на их генетическую связь со скифами в науке XVIII—начала XIX ст., от Татищева и до Карамзина. 2) «Наука о скифах в начальный период изучения археологии в России», заключающая в себе перечень и характеристику трудов «любителей» археологии из дворянской среды и первых археологов-профессио-

¹ См. «Большевик», 1947 г., № 16, стр. 7—8.

налов, как Бларамберг, Ашик и др. 3) «Научные общества и раскопки античных и скифских памятников на территории Причерноморья в середине XIX века», рассматривающая историю организации и первоначальной деятельности Одесского о-ва истории и древностей и характеризующая группировавшихся вокруг «Записок» этого О-ва исследователей. Названная глава содержит, кроме того, сведения о раскопках скифских курганов на Тамани и в Крыму в 50—70-х гг. прошлого века и характеризует труды исследователей этого времени как в области практической археологии, так и в области изучения истории и скифского быта на основании письменных и вещественных источников. Специально оговариваются крупные публикации того времени, вроде «Древностей Восточного киммерийского». 4) «Открытие и деятельность Археологической комиссии в Петербурге и Археологического об-ва в Москве». В этой главе, помимо характеристики деятельности названных учреждений, в связи с историей открытий в области скифской археологии второй половины XIX ст., обсуждаются взгляды виднейших русских историков той эпохи (Соловьева, Иловайского, Забелина и др.) на скифский вопрос и специально обсуждаются общие труды по скифской археологии. 5) «Пути развития русской буржуазной историографии скифов во второй половине XIX века»—заключает в себе перечень и характеристику работ, посвященных истории скифской культуры и критике древних источников, принадлежащих перу Лаптева-Данилевского и Ф. Ф. Мищенко, не соответствуя, таким образом, своему названию. 6) «Открытие скифских памятников на территории Украины в конце XIX и начале XX века». В этой главе, характеризующей изучение скифских памятников приднепровских и донских степей, содержится, кроме того, обсуждение трудов киевских и одесских ученых (историков и археологов), работавших в области истории скифов в указанное в заголовке время. 7) «Изучение проблемы генезиса скифов в XIX и начале XX века»—глава посвящена трудам Миллера и Брауна в области скифского этногенеза, а также русским эпиграфическим и источниковедческим изданиям, в первую очередь, трудам Латышева. 8) «Виднейшие полевые исследователи скифской культуры в предоктябрьский период»,—с характеристикой трудов Веселовского, Спицина и Городцова. 9) «Попытки синтеза работ в области исследования скифской проблемы». В этой главе, наряду с трудами общего характера, каковы некоторые работы Ростовцева и Готье, обсуждаются и многочисленные частные исследования в области истории скифской культуры и искусства (работы Фармаковского, Жебелева, Мальмберга и др.). 10) «Основы изучения скифской проблемы после Октября»,—глава, в которой характеризуется деятельность ГАИМК и обсуждаются труды основоположников марксистской истории скифского этногенеза—Марра и Мещанинова. 11) «Научные исследования скифской проблемы в советский период»—обширная глава, содержащая характеристику и библиографию литературы о скифах, появившейся за истекшие 15—20 лет, с упоминанием многочисленных археологических открытий, имевших место в Причерноморье и на Кавказе за указанный период времени. Книга содержит также подробные указания, облегчающие пользование ею как библиографическим и справочным изданием.

Книга Семенова-Зусера полезна прежде всего тем, что она при весьма компактном изложении, обнимающем всего около 200 страниц, позволяет обозреть путь, пройденный исторической и археологической наукой в области изучения скифо-сарматской древности за два с половиной столетия.

Автор, сочетая качества археолога-исследователя и историка-социолога, чувствует себя свободно в кругу работ как общего или чисто исторического характера, так и узко археологического. Не забывая о том, что интерес к скифской старине в общих рамках отечественной исторической науки определяется значением «скифской проблемы» в ряду вопросов этногенеза древних славян и происхождения древнерусской культуры, он подходит к своей задаче достаточно широко, давая почувствовать тесное соприкосновение своей темы с соседними областями археологической и исторической науки. Скифы в его книге представлены, с одной стороны, в окружении соседних не-скифских (кавказских, приволжских, сибирских и т. д.) культур; с другой, они оказываются связанными с культурами эпохи бронзы, им предшествующими, и с прото-славянскими культурами, им последующими. Эти субскифские культуры (обнимаю-

щие историко-культурные явления первой половины I тысячелетия н. э.) в особенности привлекают внимание Семенова-Зусера, тогда как некоторые вопросы собственно скифского этногенеза оставлены им в тени. Можно сказать, что в рассматриваемой работе вопросы скифской истории и культуры трактуются преимущественно с точки зрения славянского этногенеза, что, несомненно, будет играть значительную роль при дальнейшем использовании скифского материала для установления истоков позднейшего культурного развития на восточноевропейской территории.

Читателя, интересы которого выходят за пределы простой библиографии (даже составленной достаточно полно и при этом впервые), книга не удовлетворит многими своими сторонами. Многое в ней сказано не так и не в той последовательности, как было бы желательно, многое из требуемого современным читателем в отношении постановки проблем и самого круга затронутых вопросов в ней не сказано вовсе.

Бросается в глаза, что автор испытывал немалые затруднения при рубрикации своего материала. Как располагать его: просто ли в исторической последовательности, разделив книгу на главы соответственно некоторым наиболее отчетливо разграничивающимся археологическим периодам, или группировать материал вокруг определенных, наиболее важных, проблем?

Придерживаясь в общем исторического принципа при построении глав своей книги, автор отступает от него в двух случаях, сознательно выделяя главу под названием «Изучение проблемы генезиса скифов в конце XIX и начале XX в.» (стр. 88 и сл.) и «Попытка синтеза работ в области исследования скифской проблемы» (стр. 104 сл.). Бессознательно же и невольно он отступает от принятого принципа много раз, под влиянием не всегда понятных обстоятельств. Целый ряд работ советских ученых, весьма важных именно в рамках советской науки о скифах, обсуждается им в главе, отведенной для досоветской буржуазной науки, в то время как некоторые работы, относящиеся хронологически и методологически к дореволюционному периоду, упоминаются в главе, посвященной науке наших дней. Приведу два примера: исследование С. А. Жебелева, являющееся ярким выражением достижений советской историографии и представившее яркие факты из истории классовой борьбы в древности («Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», ВДИ; 1938, № 3), обсуждается Семеновым-Зусером в заключение работ дореволюционных авторов (стр. 122), тогда как книга Смоллина, вышедшая в 1915 г. («О продвижении геродотовых скифов в передней Азии»), находящаяся всецело в рамках буржуазной науки, упоминается среди работ советских ученых (стр. 161). Подобные не единичные несообразности разрушают тематические рамки, установленные самим же автором.

Отчасти по указанной причине, главным же образом потому, что в книге не сделано акцента на трудах определяющего значения для той или другой эпохи или для той или другой проблемы, книга Семенова-Зусера оставляет впечатление не столько связанного очерка истории изучения скифов, сколько систематизированных в определенном порядке библиографических аннотаций. Эти аннотации содержат подчас и оценку научного значения той или иной работы и даже острую политическую характеристику ее автора. Однако даже в таких стоящих в центре внимания автора вопросах, как вопросы скифо-славянского этногенеза, исторический аспект нередко исчезает, и у читателя не создается отчетливого представления о том, какими путями шла эволюция точек зрения на скифо-славянские связи в исторической науке. Эволюция же других проблем, важных для изучения скифов, как, например, проблемы источниковедения, хронологии, исторической и археологической географии и топографии и т. п., совершенно выпала из поля зрения автора. Литература, посвященная этим темам, упоминается автором в каких-то других связях или вовсе без таковых, не позволяя читателю составить себе цельное впечатление о том, что же сделано (и как протекала история исследования) в той или иной частной области науки о скифах.

Имея в виду, что недостатки книги отражают отчасти некоторую слабость и недостаточность самого нашего антиковедения, равно как и то, что книга эта является первым опытом в своей области, заслуживающим всемерного поощрения, мы попытаемся

вкратце очертить те проблемы скифской историографии, которые не в полной степени или вовсе не освещены на страницах книги Семенова-Зусера.

Недостаточность исторической науки о скифах XVIII и начала XIX ст. была бы для читателя гораздо ясней, если бы Семенов-Зусер охарактеризовал состояние источниковедения того времени и указал бы на издания древних авторов и их переводы на русский язык, на византийские хронографы и экскерпты из древних авторов, какие были тогда в распоряжении историка.

Для получения более точной исторической перспективы, для понимания реальных границ исторической науки того времени было бы чрезвычайно важно охарактеризовать ту основу, на которой строилось знание древней истории в XVIII ст., показать, как выглядели тогда те «скиты», о которых призваны были судить наши историки.

Нам интересно знать не только то, что писал Ломоносов или Татищев о скифах (см. стр. 14 и сл. рецензируемой книги), но в особенности также и то, на основании каких данных они это делали. Такая работа, никогда еще никем в целом не проделанная, создала бы, наконец, реальную почву для суждений об отечественном антиковедении XVIII ст.

Факт недостаточности источниковедческой базы нашей науки о древности был отчетливо осознан уже в первой половине XIX ст. Историки и археологи того времени в лице Погодина, Каченовского и Леонтьева, призывали к собиранию и изучению первичного материала. Процесс этого «первоначального накопления», занявший весь XIX век, продолжается и сейчас. Все чаще и чаще он вызывает потребность в подведении итогов и обобщений. На путях этого собирательства, являющего собой картину некоторой бессистемности, обусловленной огромным количеством материала, что, несомненно, отразилось и на содержании рассматриваемой нами книги, все же необходимо отметить определенные и при этом весьма важные вехи.

Разграничение историко-филологического и археологического антиковедения, отчетливо прослеживающееся на всем протяжении истории науки, существует весьма твердо и в наше время, несмотря на определенную тенденцию к сближению и объединению обеих дисциплин, обладающих, однако, своими специфическими методическими особенностями, коренящимися в особенностях изучаемого ими материала. Материал этот, и письменный и вещественный, в одинаковой степени важен для нашей исторической науки в качестве источника изучения скифской культуры.

Семенов-Зусер попытался это разграничение слушать, что не привело, однако, по нашему мнению, к положительному результату, еще лишь более затуманив и замутив и без того уже смутную картину, возникающую из подобного изложения материала. Если бы это не было им сделано, он имел бы больше возможности говорить о некоторых чрезвычайно существенных вещах, опущенных им, скорее всего, потому, что они или специфически «филологичны», или чересчур «археологичны». В изложении Семенова-Зусера пострадали, а иногда выпали вовсе из поля зрения такие, например, разделы, как северочерноморская и почти не известная в других местах античного мира керамическая эпиграфика—область антиковедения, чрезвычайно существенная при изучении скифской хронологии и греческо-скифской торговли. Имена пионеров этой отрасли знания—Беккера, Юргевича и др. в этой связи не упомянуты в книге, как не упомянуты вовсе и их продолжатели, сделавшие немало для выяснения местных культурно-этнических элементов,—Шкорпил, Махов, Гайдукевич и др.

Общие вопросы хронологии скифского материала также почти совершенно выпали из поля зрения автора: об изучении находок греческой керамики в скифских некрополях и поселениях, производившихся Фармаковским, Штерном и их многочисленными учениками, не говорится вовсе, так же как очень невнятно говорится и о хронологических классификациях самого скифского материала. Указывая на существование трех классификаций скифских наконечников стрел (Ленца, Гракова и Рау—см. стр. 149, прим. 5 рецензируемой книги), автор, однако, не указывает на их различия и совпадения. Во все нет речи о классификациях мечей, бронзовых шлемов, зеркал, псалий, глиняной посуды и т. д.

Указанные классификации, помимо их важности для изучения скифской археологии вообще, представляют собой определенный этап в истории этой науки, выделение которого как раз и является историографической задачей. Таким же историческим этапом в археологии скифов является особенно характерное для советского периода науки внимание к изучению скифских поселений, вызванное интересами к социальной истории и ставшее возможным лишь на определенной ступени археологической техники и методики.

Вопросы полевой методики, чрезвычайно существенные для понимания истории археологических знаний, также остаются за пределами рассматриваемой книги. Семенов-Зусер во многих случаях отмечает в общих словах, не всегда, однако, справедливо, достоинства или недостатки археологической техники того или иного исследователя. Он превозносит Люценко (стр. 45 сл.), весьма порицает Самоквасова (стр. 54), Бобринского (стр. 77 сл.) и т. д. Но в чем конкретно эти достоинства и недостатки заключаются и как эволюционировала техника и методика археологических раскопок— об этом в его книге речи нет. Между тем мы вправе были бы требовать от работы, посвященной истории археологического изучения скифов, очерка эволюции тех археологических методов, какие применялись при исследовании скифских памятников со времен начала функционирования Археологической комиссии и до наших дней.

Если бы он проследил способы «казенного» исследования курганов, заключающиеся в сегментобразной раскопке насыпи кургана, с целью минимальной затраты времени и энергии,—способы, господствовавшие в археологии вплоть до конца прошлого века, ему не пришлось бы уверять читателя в том, что Люценко обладал раскопкой методикой, приближающейся к современной, и, как правило, удалял всю насыпь кургана. Следы работы Люценко, его коллег и последователей могут быть наглядно изучены и ныне на многочисленных примерах курганов Юв-Обы и Таманского полуострова. Если бы он упомянул, с другой стороны, о том, что исследования древних поселений, отвечающие минимальным требованиям археологической фиксации, связаны (в области античной археологии) с именами Косцюшко-Валюжинича, Думберга и др. и относятся лишь к последним годам прошлого века, а современная система послонной раскопки памятников связана лишь с именем Фармаковского, читателю было бы ясно, почему исследование скифских поселений до сих пор еще находится в зачаточном состоянии. Яснее были бы многие обстоятельства также и в том случае, если бы более отчетливо была прослежена самая история открытий. Исследование таких памятников как Куль-Оба—в 1831 г., Чертомлык—в 1862 г. и Солоха—в 1912 г., о которых у автора идет, в соответствующих разделах, речь, являлись определенными этапами в скифской археологии, ощутимо умножавшими материал и открывавшими в его изучении новые перспективы.

Можно было бы назвать и еще несколько таких же «этапных» моментов в истории скифской археологии, на которых следовало бы акцентировать внимание и группировать вокруг них остальной материал.

Изложение Семенова-Зусера оставляет в тени и еще более важный этап в развитии нашего антиковедения—труды В. В. Латышева.

Можно смело сказать, что русская наука о древности может быть грубо разделена на два периода: до Латышева и после Латышева. Издание им совместно с группой его коллег и учеников «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе», а также опубликование свода древних надписей, найденных на территории Скифии (IOSPE, тт. I, II и IV), явилось той базой, на которую до сих пор опираются все предпринимаемые в этой области исследования и без которой научная обработка скифского материала, в строгом смысле слова, была невозможна.

Семенов-Зусер отмечает «мировое значение» трудов В. В. Латышева (стр. 90 сл.), но в чем это мировое значение заключается и как повлияли труды Латышева на дальнейшее развитие антиковедения, в книге не раскрывается. Между тем очерк трудов В. В. Латышева следовало предпослать главе, посвященной проблемам скифо-славянского этногенеза в конце XIX и начале XX ст., ибо постановка этих проблем на твердую почву, появление работ Ф. Брауна, Миллера, Корша и др. стали возможными лишь

на основании латышевских публикаций. Труды Латышева оказали существенное влияние на постановку и решение важной проблемы, теснейшим образом связанной с проблемами скифо-славянского этногенеза, которая странным образом оказалась вне поля зрения Семенова-Зусера. Имеется в виду так наз. «готская» проблема, связанная с истолкованием сообщений позднеримских и византийских писателей о существовании готского государства в Крыму и с атрибуцией и определением происхождения звериного стиля в скифо-сарматском искусстве.

Как известно, немецкие исследователи, на основании отрывочных свидетельств античных писателей и еще более сбивчивых замечаний позднейших путешественников, утверждали существование во внутреннем Крыму готского государства на протяжении многих столетий в средние века. С именем «готов» были связаны некоторые археологические памятники, как то—пещерные города и катакомбные могильники средневекового Крыма, содержавшие в качестве погребального инвентаря поздние образцы понтийского звериного стиля. И если в трудах Уварова, Толстого, Кондакова и других исследователей XIX ст. названные памятники приписывались готам, то после сопоставления соответствующих источников, произведенного Латышевым, оказалось, в частности, что так называемые готы изыскались не на германском, а на таврском языке (Пс. Арриан, Перипл Евкс., П., 63). После изучения изданных Латышевым же эпиграфических памятников и после трудов Васильева выяснилось, что среди крымской эпиграфики нет ни одного готского документа, но что жители городов «Крымской Готии» исполняли свои надписи на греческом языке. Наконец, после исследований Бобринского, Ростовцева, Мацулевича и др., показавших чисто местные скифо-сарматские корни «готского» звериного стиля, было расчищено поле для решения готской проблемы—решения, ставшего возможным лишь в советское время, когда вопросы этногенеза были поставлены впервые на строго научную почву и когда в массе северочерноморских «готов» и «гуннов» ученые установили местные протославянские племена, в культурном и этническом отношении тесно связанные с предшествующим скифо-сарматским периодом истории Причерноморья.

Следует сказать, что история открытия и изучения скифского звериного стиля сама по себе представляет интересный и весьма поучительный раздел антиковедения, вполне заслуживающий специального рассмотрения в книге, посвященной историографии скифов. Если исследователи второй половины XIX ст. рассматривали памятники скифского звериного стиля как образцы иранского импорта или в лучшем случае как местные интерпретации иранских орнаментальных мотивов, то уже последние десятилетия прошлого века, приведшие к открытию культур эпохи бронзы Алтая и Сибири, а также изучение открытой еще в середине прошлого века ананьинской культуры показали широкие связи и прочные североевразийские корни скифского звериного стиля, расцвет и многообразие которого во второй половине I тысячелетия до н. э. является непреложным свидетельством своеобразия и высокого уровня скифского искусства. Если все эти факты были установлены трудами Фармаковского, Ростовцева и их ближайших учеников, то выявление корней звериного стиля и установление его культурно-исторического значения стало возможным лишь в советское время, когда, с одной стороны, в результате широкого и планомерного изучения неолитических культур удалось протянуть нити от скифско-дьяковско-ананьинских культурных явлений далеко в глубь веков к рубежу III—IV тысячелетий до н. э., с другой же стороны, работами Городцова и его учеников были показаны связи скифо-сарматского искусства с народным искусством славянских племен эпохи Киевской Руси и даже времен более поздних.

Несколько более рельефно выступает в изложении Семенова-Зусера история проблемы скифского общественного строя и государства, хотя надо сказать, что и в этом случае он почти ничего не сделал для объединения упоминаемых им разнообразных работ, связанных с названной темой. Читателю поэтому остается неясным, что уже в работах Ростовцева, ошибочно характеризовавшего скифское общество как феодальное, представлены были, тем не менее, доказательства того, что это было общество классовое. Установление фактов большого социально-исторического значения, добы-

тых и умноженных в советский период развития науки в трудах Жебелева, Гракова, Артамонова, Равдоникаса и др., посвященных вопросам социальной и экономической истории Скифии, тоже было подготовлено в предшествующие периоды развития антиковедения. Если бы автор подвел итоги исследования социального строя скифов, сделанного в названных работах, то его интересный очерк изучения скифов в советский период только бы выиграл.

Сказанным определяется, но не исчерпывается ряд тех проблем, вокруг которых следовало бы объединить материал, распределенный в книге по далеко не всегда выдерживаемому автором принципу исторической последовательности.

Порядок размещения работ, посвященных какой-либо определенной теме, но упомянутых в различных местах и в разной связи, не позволяет читателю представить себе ту или иную из затрагиваемых автором скифских проблем в историческом аспекте. Более того, такой распорядок материала не позволяет иной раз читателю даже подозревать о существовании некоторых проблем в науке о скифах. В особенности досадным следует признать почти полное выпадение в книге довольно новой в нашей науке «киммерийской проблемы», имеющей два аспекта—археологический и лингвистико-исторический. В первом случае речь идет о памятниках времени, переходного от эпохи бронзы к железу, представленных в Приднепровье, помимо находок, указанных в известной работе Городцова, Красномаяцким и Коблевским кладом, а в Прикубанье и на Кавказе—находками типа Гамарни. В историческом же аспекте киммерийская проблема упирается в противоречие между греческими и восточными источниками, дающими киммерийцам различную локализацию. На основании греческих данных (Геродот и Страбон) киммерийцы занимали причерноморские области от Днестра до Кубани, а по данным ассирийских хроник «гимирраи» могут быть локализованы первоначально в области Северного Кавказа в широком смысле слова, с последующим их распространением в Закавказье и Переднюю Азию. Работы Марра, Мещанинова, Ушакова, Пиотровского дали много нового для решения этой проблемы, прежде всего в смысле создания более твердой почвы для критики греческих источников и разграничения исторических и мифических гомеровских киммерийцев.

В заключение хотелось бы указать еще на один досадный пробел, ибо имеющаяся в виду область антиковедения в особенности ревностно разрабатывалась нашими учеными и оказала немалое влияние на разработку соответствующих вопросов в науке о древности вообще. Речь идет об исторической географии и этнографии Скифии—вспомогательной дисциплине, разработка которой имела также существенное влияние на изучение вопросов скифского этногенеза и скифской истории.

Уже в начале прошлого века Тетбу-де-Мариньи, Кеппенем, Келлером и др. были произведены первые серьезные попытки приведения в соответствие известий древних писателей о черноморском побережье и внутренней Скифии с современной географической картой. Работы этих ученых привели к отождествлению целого ряда пунктов, до того времени никак не локализованных. Результаты их исследования послужили весьма существенным реальным комментарием к сочинениям древних географов, что и не замедлило сказаться на их изданиях, в частности на известных Мюллеровских изданиях периплов и географии Птолемея. Однако в настоящую науку историческая география Скифии была обращена трудами Ф. Бруна и К. Герца, сделавших чрезвычайно много для исторической и археологической топографии черноморского побережья. Работы этих ученых, не утратившие своего значения и по сей день, позволили в конце прошлого столетия Ф. Бруну предложить свою карту расселения и передвижения скифо-сарматских племен, а Ю. Кулаковскому создать свой комментарий к «Карте Европейской Сарматии по Птолемею».

Наряду с вопросами чисто топографическими, исследования по исторической географии затрагивали и вопросы сравнительной топонимики, особенно плодотворно разрабатываемые на протяжении последних десятилетий. Результаты этих исследований оказались весьма существенными в смысле установления преемственной связи между некоторыми племенными наименованиями, позволившими говорить и об идентичности самих племен. В особенности плодотворными, в свете новейших работ по скифо-

славянскому этногенезу, представляются сопоставления страбоновых «ургов» и геродотовых «земледельцев» (γεωργοί), а также геродотовых «андрофагов» и птолемеевых «амодоков». Помимо того, что эти сопоставления открыли значительные исторические перспективы в смысле установления определенного этнического постоянства населения причерноморских степей, скрывающегося лишь за различного происхождения наименованиями, они позволили сделать важные выводы и относительно самого происхождения этих племенных наименований, объясняя их как греческие этимологизации и перетолкования местных этнических имен. Наиболее интересные данные в этом отношении получены из древней этнографии Кавказа, преимущественно за счет урартских эпиграфических документов. Весьма ценный материал для понимания «скифской» топонимики греческих источников содержится в посмертной работе П. Ушакова (ВДИ, 1946, № 2, стр. 31 сл.), к сожалению, ускользнувшей, от внимания Семенова-Зусера. Мы находим в ней местные основы для ряда позднейших грецизированных наименований скифских племен, каковы гениохи, ахеи, «земледельцы», «пахари» и др., извлеченные из древнеурартских клинописных текстов.

Те из проблем антиковедения, связанные с историей скифов, которых мы здесь бегло коснулись, не исчерпывают всего их круга. Можно было бы указать, например, на такие важные области истории скифской культуры, как рабовладение и работорговля в Скифии, торговля хлебом и металлом, скифское ремесло, скифская религия и скифская тема в античной мифологии. Последний вопрос интересен в особенности тем, что через мифы об Ахилле и Ифигении, о Геракле в Скифии, о гипербореях и гиперборейском Аполлоне и т. д. скифские элементы включались в общие рамки античной духовной культуры, проникали в ее религию, ее художественную мифографическую и этнографическую литературу. Греческие мифы, повествующие о греческих богах и героях, действующих на скифской почве, или о скифских героях на почве Греции (Абарис, Анахарсис), дают для понимания культурных связей скифской периферии античного мира с греческой метрополией не меньше, чем свидетельства и документы о хлебной торговле и непосредственных политических отношениях. Тем более обидно, что в книге Семенова-Зусера даже не упоминается книга И. И. Толстого, посвященная некоторым из указанных тем: («О-в Белый и Таврика на Эвксинском Понте»), — наиболее солидный труд в этой области, не указаны и многие другие работы, касающиеся подобных вопросов, в частности старые, но во многом еще не устаревшие статьи и публикации Стефани.

Книга Семенова-Зусера заслуживает внимания как первый опыт в области скифской историографии и является полезной книгой. Однако она далеко не заполняет пробела, существующего в нашей исторической науке. Мы попытались приблизительно наметить круг тех проблем, из которых многие находятся в поле зрения нашего антиковедения чуть ли не с самого момента его зарождения, некоторые же возникли в недавнее время в результате углубления и расширения конкретных знаний в области истории скифов.

В своей дальнейшей работе над скифской историографией автору необходимо учесть требования, выдвигаемые современными интересами к скифской проблематике, и посредством соответствующей перестройки и необходимых дополнений к своей работе создать труд, подводящий итоги и открывающий новые перспективы в области изучения истории скифской культуры.

Л. А. Ельницкий